

Лю Юн тихо вздохнул: «Это вопрос образования. Многие дети здесь до сих пор не могут учиться, особенно дети кочевников. Они полгода кочуют на север, полгода — на юг, постоянно в движении, поэтому не могут посещать школу на одном месте. Без образования ими легко манипулировать. У них нет возможности отличить правду от лжи, иногда, поддавшись порыву, они и встают на путь, с которого нет возврата».

— Да, — с глубоким сожалением покачал головой Чжоу Цимин. — Каждый раз, окружая лагерь террористов, видишь, что среди стреляющих в нас есть подростки, и становится невыносимо горько.

— Многие из них уже залили руки кровью и знают, что даже сдача в плен не спасёт их от смерти. Поэтому они сражаются с особой жестокостью, предпочитая смерть плену и даже готовы на самоубийство. Это создаёт у молодёжи, никогда не убивавшей, ложное представление. Они видят в таких людях героев, кумиров и стремятся им подражать, — рассудительно заметил Лю Юн.

— Проблема действительно сложная, — почесал затылок Чжоу Цимин. — Мы продолжаем уничтожать этих отъявленных негодяев, но не можем остановить приток новых членов в террористические ячейки.

Лин Цыхань не углублялся в изучение этого вопроса — он относился к сфере государственной стратегии. Он немного подумал и спокойно спросил: «Я читал некоторые материалы. В последнее время террористические группы совершили немало актов насилия, погибло много людей. Скажите... когда вы проводите операции по зачистке, если на месте есть мирные жители, террористы берут их в заложники?»

— Этого они не делают, — сразу ответил Чжоу Цимин. — Зато они вырезают мирное население.

Лин Цыхань удивился: «Как?»

Лю Юн, не заподозрив ничего, решил, что этот кабинетный заместитель командира, вероятно, впервые сталкивается со столь кровавыми реалиями, и потому серьёзно пояснил: «Это правда. За последний год террористы стали проявлять невиданную жестокость. Перед нашим наступлением они вырезают всё местное население — мужчин, женщин, стариков, детей, даже скот. Непонятно, что ими движет. Может, это какая-то новая трактовка их человеконенавистнической идеологии?»

Лин Цыхань задумался. Беседуя с бойцами об их прошлых операциях, он тоже слышал подобные рассказы. Командиры отделений и взводов упоминали об этом. Неужели правда? Или это согласованная версия? Маловероятно. В наше время сложно добиться полного единомыслия. Даже у военных у каждого свой характер. Он общался с ними в неформальной обстановке и, обладая необычайной проницательностью, не заметил, чтобы они говорили заученный текст. Оставалось одно объяснение — они говорили правду.

Видя его молчание, Лю Юн и Чжоу Цимин тоже замолчали. Атмосфера разрядилась лишь тогда, когда в юрту вошла казахская девушка с большим казаном супа из баранины, а следом за ней — хозяин, тепло с ними поздоровавшийся. Лю Юн и Чжоу Цимин снова оживились, их лица озарились улыбками.

Когда они вернулись в лагерь, уже спустилась глубокая ночь.

В Синьцзяне, если поднять голову к ночному небу, звёзды видны необычайно чётко. Кажется, будто стоишь в самом сердце Вселенной, а звёздная россыпь — совсем близко.

Лин Цзыхань сидел на балконе, глядя на прекрасное звёздное небо, и понемногу раскладывал всё по полочкам.

Услышанное от Лю Юна и Чжоу Цимина вызывало у него недоумение. В последние годы, кажется, не было сообщений о том, чтобы террористы без причины вырезали целые деревни. Это совершенно нелогично. Если отставить в сторону странные случаи массовых убийств, то за последний год отряд «Дикий волк» не взял ни одного пленного — все террористы были уничтожены. О чём это говорит?

В лагере стояла тишина. Прохладный ветерок шелестел в листве тополей, окружавших периметр, — лёгкий шорох, похожий на чей-то тихий шёпот.

Лин Цзыхань спокойно закрыл глаза, будто прислушиваясь.

Вдруг в дверь тихо постучали.

Он не шевельнулся, но его острый ум мгновенно определил: за дверью Лин Цзин.

Стук был тихим, но настойчивым. Свет в комнате горел — очевидно, он не спит. Пришлось подняться и открыть.

Лин Цзин стоял на пороге. «Заместитель Лин, почему вы ещё не спите?» — тихо спросил он.

Лин Цзыхань посмотрел на него и мягко улыбнулся: «Не спится, вот сижу».

«С таким подходом здоровье не поправится», — слегка упрекнул Лин Цзин.

«Я и сам не рад, — тихо ответил Лин Цзыхань. — Принимал снотворное, но эффекта нет. Ничего не поделаешь».

Лин Цзин вошёл в комнату и с беспокойством посмотрел на него: «Вы очень плохо выглядите. Хроническая бессонница — это серьёзно. Вам нужно снова показаться врачам».

«Уже много раз показывался, — с лёгкой безнадёжностью улыбнулся Лин Цзыхань. — Перепробовал кучу лекарств, врачи испытывали разные методы — ничего не помогает».

Лин Цзин мягко покачал головой: «Это плохо. Обращались к психиатру? Может, это психологический дисбаланс или последствия стресса». Он тщательно подбирал слова, избегая таких понятий, как «депрессия» или «аутизм».

Лин Цзыхань невольно усмехнулся: «Командир Лин, да вы прямо как выпускник мединститута».

«Вовсе нет, — рассмеялся Лин Цзин. — Я окончил Военную академию командного состава, но в своё время изучал психологию и травматологию».

Лин Цзыхань, конечно, ещё до приезда изучил его подробное досье. Лин Цзин в своё время был знаменитым отличником Академии, и после выпуска и Министерство обороны, и Генштаб хотели заполучить его к себе. Но он настоял на возвращении в Синьцзян, в Антитеррористический спецназ, где за годы службы не раз смотрел смерти в лицо. Это вызывало глубочайшее уважение.

«Такой воин, как вы, непременно войдёт в историю», — тихо сказал Лин Цзыхань.

Лин Цзин на мгновение замер, затем легко улыбнулся: «Я об этом не задумывался. Быть вписанным в летописи — не главное. Я просто хочу, чтобы моя жизнь прошла не зря, была наполнена смыслом».

«Командир Лин, ваша жизнь уже имеет гораздо больше смысла, чем жизнь большинства людей. Ею можно гордиться, и многие будут вас помнить», — мягко ответил Лин Цзыхань.

Лин Цзин лишь тихо улыбался. В этот момент всегда суровый «Дикий волк» казался необычайно мягким, будто стал совсем другим человеком.

Оба на время замолчали. Из леса доносилось пение ночных птиц, отчего мир казался ещё тише и спокойнее.

Спустя некоторое время Лин Цзин ласково сказал: «Заместитель Лин, вам всё же стоит пораньше лечь. Завтра утром нам вместе ехать в штаб на совещание».

Лин Цзыхань кивнул: «Так точно».

Лин Цзин развернулся и ушёл.

Лин Цзыхань стоял в дверях, провожая глазами его стройную, подтянутую фигуру, пока та не скрылась за поворотом лестницы. Его глаза были тёмными-тёмными, словно вобравшими в себя всю глубину ночи.

На следующее утро Ло Цяньцю уже ждал у офицерского общежития на машине. Лин Цзыхань быстро принял лекарства, спустился вниз и сел в автомобиль. Машина тут же помчалась к Урумчи, что в пятидесяти с лишним километрах.

По дороге Лин Цзин, сидевший на переднем пассажирском сиденье, с заметным оживлением обернулся к Лин Цзыханю: «У нас будет новое задание».

Лин Цзыхань тоже обрадовался — это означало, что и его работа получит новый импульс.

Лин Цзин кратко ознакомил его с ситуацией: «На этот раз мы будем поддерживать операцию Управления национальной безопасности. В последнее время Министерство госбезопасности раскрыло несколько крупных дел о контрабанде оружия в Синьцзяне, Шаньси, Ганьсу и Цинхэе. Согласно показаниям захваченных террористов, в ближайшие дни они планируют провести в Урумчи ряд крупных акций — преимущественно грабежи и убийства. Управление госбезопасности Синьцзяна уже располагает точными данными: известный главарь террористической группировки Айзрети тайно проник в город. Наша задача — помочь задержать этого специалиста по насилию и полностью ликвидировать его организацию».

Лин Цзыхань кивнул, но ничего не сказал. О раскрытых Министерством госбезопасности делах он кое-что слышал, особенно о секретных операциях в пяти странах Средней Азии и в Афганистане. Хотя сам он там не был, но другие Охотники появлялись в тех краях с завидной регулярностью.